

Кристина Юрьевна Юраш

Ну, возьми меня!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69785206

0101

Аннотация

Меня зовут Пенни Вайс! Я приехала из провинции поступать в Великую Магическую Академию Темных Искусств города Тварьбурга!

Но меня не берут!

Ну и что, что я опоздала на вступительные экзамены? Разве это повод не брать меня?

Я готова на все, чтобы поступить! Но упрямый ректор не хочет меня брать!

Бумажку с адресом родственников сдуло. И я пришла по памяти.

А что это за красавец меня встречает? Неужели остальные поумирали и нам не сказали?

– Здравствуйте! Я – ваша внучатая племянница по троюродной тетушке! Я из Гнильтауна! Ой, да ладно, я сама занесу! Я вам гостинцев тут привезла! А ничего, что я поживу у вас тут с месячишко?

Содержание

Пролог	4
Глава первая. Кто в доме козляин?	12
Глава вторая. Только волей случая не последняя!	21
Глава третья. Мужчина с маленьким хозяйством	33
Глава четвертая. День закрытых дверей	40
Глава пятая. Грязная история	51
Глава шестая. Чудовищная ночь	62
Глава седьмая. Бессовестница	74
Глава восьмая. Неродная Комиссия	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Ну, возьми меня!

Автор: Кристина Юраш

Пролог

Возьмите меня!

Вам что? Сложно?

Вы же ректор!

Молодой красавец – ректор высунул голову в дверную щель. И опасливо осмотрел жуткий коридор самой мрачной академии темных искусств всех времен и народов.

Дверь ректорского кабинета Академии Темных Сил осторожно открылась.

– Вроде бы никого, – выдохнул он с облегчением. – Но я знаю, что ты где-то здесь...

Он бросил резкий подозрительный взгляд на статую древнего темного мага.

Но мрачный коридор не подавал признаков жизни.

В нем было тихо, спокойно и даже по-своему уютно.

Где-то на сквозняке шелестел гобелен. Мрачные зеленые огни освещали черные стены.

Глаз ректора дернулся. «Возьмите меня!», – пронеслось в памяти. И ректор померял себе заклинанием давление.

Такого он за собой раньше не наблюдал. Один из величай-

ших темных магов почувствовал неприятные мурашки, топающие стадом у него по спине.

Сколько лет уже существует Академия. Но такого не было!

Нет, он вовсе не боится! Ну не может бояться один из самых могущественных темных чародеев, находясь в собственной Академии!

– Неужели нет? – с некоторым облегчением выдал ректор. Его взгляд стал еще более подозрительным. И упал на пару черных горгулий в конце коридора.

Зловещий коридор, оформленный в самом зловещем стиле, казался пустым.

Но ректора знал. Это впечатление может быть обманчиво. Он бесшумно вышел из кабинета. И так же бесшумно прикрыл роскошную черную дверь, обильно украшенную черепами и прочим оптимизмом.

– Кхе-кхе! – ректор тут же вернул своему лицу надменное и жесткое выражение, присущее всем темным магам.

Он расправил красивые плечи. Потом отряхнул несуществующую соринку с черного дорогого одеяния – ничто не должно бросать белое пятно на безупречно – черную репутацию. И снова стал тем ректором, которого знают и боятся до судорог студенты и преподаватели.

Ректор уверенным шагом направился по коридору. «Возьмите меня!», – чудилось ему в каждом темном углу. «Ну возьмите! Я уже опытная!» – мерещился ему голос. И

ректор ускорил шаг.

За ним шелестел черный плащ – одна из самых известных ректорских регалий. Серебряный медальон на шее в виде черепа сверкал изумрудами.

Ректор тормознул у приоткрытой двери с надписью «ДеканАД».

Он открыл ее хозяйским жестом. Без стука.

Из мрачной обители бюрократии и расписаний пахло чем-то съедобным. Прямо в центре стоял огромный черный котел, вокруг которого собрались ведьмы. Они обсуждали жения одно из них. И делали ставки, сколько он протянет.

– Ой! Здравствуйте ваше темнейшество! У нас тут... эм... перерыв на шабаш, – испуганно переглянулись ведьмы. – По расписанию... С часу до двух.

Котел булькал и чадил. Стопки бумаг на столах шелестели на сквозняке. Старинный шкаф стонал под тяжестью личных дел учащихся.

– Никого не было? – надменно процедил ректор.

Он на всякий случай глянул на огромную стопку папок «Поступивших в этом году». Цепкий взгляд пробежался по старинным столам и стульям. Нет никого. Вроде...

Ведьмочки в деканАДе отрицательно замотали головами. Зелье тоже булькнуло, словно подтверждая их слова. Одна их сотрудниц с кашлем вернула зелье в кружку.

– Если кто-то будет меня спрашивать, меня нет! – бросил высокомерно ректор. – Ушел. Понятно?

– Куда? – поинтересовались ведьмы.

– На тот свет! – ответил ректор, скрипнув зубами.

Дверь закрылась. Ректор направился дальше по коридору. И внезапно остановился возле огромного окна. Бархатные черные шторы с кисточками открывали вид на славный город Тварьбург, который был ужасен в любое время года.

– Да что со мной такое?– задумчиво выдохнул ректор. – С каких это пор, я начал нервничать?

Зловещие тучи нависали над черными шпилями и крышами этого проклятого города. В этот момент город выглядел по особенному мрачно и красиво. Еще бы! Тварьбург был столицей темных искусств, черной магии и некромантии.

– Возьми меня...

Нет, ректору это не почудилось. Рядом прошуршала бархатная штора.

– Возьми меня, – послышался нежный голос совсем рядом. Ректор даже боялся поворачивать голову в сторону голоса.

Его Мрачайшее нервно сглотнул. Он чувствовал, что скоро поседет. Хоть ректор и планировал поседеть лет через пятьсот, как все уважающие себя маги. Но чувствовал, что сделает это прямо сейчас.

– Ну пожа-а-алуйста! Вам что? Сложно? Вы же ректор! – послышался все тот же девичий голосок.

Черная штора отодвинулась. Показалось старомодное алое платье в крупный горох. Нарядный и потрепанный

бантик на шее был сколот потертой брошкой.

– Ыыыы... – пробежали мурашки по спине ректора.

На него смотрел его персональный кошмар – милое девичье личико со вздернутым носом. Каштановые волосы были заплетены в две растрепанные косы. В них виднелась пыль. На ногах у девушки были гармошки старых чулок. Коричневые туфли со сбитыми носками слегка косолапили. Потому что были на три размера больше, чем нужно.

– Вы что? Меня избегаете? – спросила девушка, обиженно шмыгнув и пытаясь заглянуть в глаза ректору.

Тот уже открыл завод по производству зубной крошки. Пока еще свойства зубной крошки с зубов ректора были не изучены. Но наука не стояла на месте. И не ровен час, что завтра кто-нибудь изобретет новое зелье с зубной крошкой ректора, обладающая чудодейственным свойством изгонять нечисть в горошек.

– Я же сказал, – процедил ректор, пытаясь сохранить спокойствие. – Нет!

«Гори в аду, Горошек!», – мысленно добавил ректор. Но вслух ничего подобного не сказал. Он был из очень богатой и благородной семьи. Поэтому ругался нехорошими словами только по праздникам после бокала кровавого вина или в случае внезапного банкротства.

– Неужели я вам совсем не нравлюсь? – удивилось юное создание лет двадцати. – Я уже опытная! Я все умею! Только возьмите! Вы не пожалеете!

Ректор нервно сглотнул, глядя на то, как его персональный гороховый кошмар сплевывает прядь волос.

– Нет. Я больше никого не беру! – произнес ректор. Это прозвучало так, словно он импотент. И красавец – ректор решил вежливо пояснить:

– Для того, чтобы учиться в Академии Темных Искусств Тварьбурга нужно иметь нечто большее, чем желание...

– Понятно, – кивнуло чудовище в горошек. Оно чихнуло и запуталось в шторе. Карниз сорвался и устремился вниз. Прямо на голову ректора.

Бум!

– Ой, извините! – послышался смущенный голос. – Я случайно...

Перед глазами ректора от неожиданного удара по голове пронеслась вся жизнь. От начала и до возможного конца. Он увидел себя бледного в гробу. А над гробом склонился рыдающий Горошек. "Так и не взял!". "Умер, но не сдался!", – подумал ректор, цедя воздух сквозь зубы.

– Охрана! – позвал ректор, пытаясь выпутаться из шторы. Он прижал руку к голове. – Проводите юную мисс из Академии!

Охрана появилась из черного дыма. Два могучих стражника в черных доспехах вежливо взяли девушку под руки.

– Пройдемте на выход! – послышались их грубые голоса.

Ректор выдохнул, видя, как в черной дымке растворяется провинциальное платье в крупный горох.

Он направился в свой кабинет, повернул магический ключ и бросился в роскошную ванную. Вид у него был помятый. И вовсе не ректорский. Одним движением ректор поправил волосы, исцелил шишку и убрал кровавый подтек с виска. А потом направился в уборную. Он расстегнул первую пуговицу на штанах, потом потянулся за второй.

– Возьмите меня! – послышался голос. Ректор подскочил на месте. Его бесчувственное сердце испуганно забилося.

– Показалось, – успокоил себя ректор. Он расстегнул вторую пуговицу, как вдруг с диким кашлем рядом появился ... Горох.

– Кхе! Грубияны! – заметил девичий голосок. Она отряхивалась и шмыгала вечно простуженным носом. – Как хорошо, что я взяла с собой зелье невидимости!

– Ты что здесь делаешь? – процедил ректор, пытаясь застегнуть пуговицы обратно и одернуть сюртук.

– Я вас поняла, – послышался обреченный голос. – Значит, слухи не вралы...

Ректор даже боялся поворачиваться. Он пытался понять, как ей удалось обвести вокруг пальца опытную охрану!

– Чтобы поступить в Академию я должна вам отжаться! – торжественно объявил девичий голос.

Рядом что-то начало шелестеть.

– И пусть вам будет стыдно! Я – приличная девушка! А вы вынуждаете меня! Сами знаете, что я не могу вернуться в Гнильтаун! Поэтому, не смотря на строгое воспитание,

высокие моральные принципы, я готова отдаться вам! И это останется на вашей совести!

Ректору показалось, что ему все это снится. Что это просто дурной сон. Что это у него просто здоровье пошатнулось. Оно у него отменное, но в последнее время что-то пошатнулось!

– Охрана! – закричал ректор. Ему срочно нужно было поправить здоровье и штаны.

– Я буду страдать! Я буду мучиться! И, возможно, проклинать вас всю жизнь! Потому что я мечтала, чтобы мой первый раз был по большой любви! И получается, что мой первый раз по большой любви к магии, а не к мужчине! – слышался самоотверженный голос.

Таким голосом говорят, что задержат преследователей, остановят летящую комету или собираются погибнуть в неравном бою!

Ректор опомнился и бросился к девушке, которая уже отстегивала брошку и расстегивала пуговички на груди.

– Прекратите! Я кому сказал! – возмущался ректор, пытаясь стянуть платье на девичьей груди обратно.

– Ну тогда... Возьмите меня? – в голосе слышалась надежда. – Ну, возьмите меня!

Глава первая. Кто в доме козляин?

Как только я шагнула с поезда на не качающуюся землю, мимо меня пробежал какой-то мужик. С бешеными глазами.

Он прижимал к груди женскую сумку с бантиком, ловко перепрыгивал через багаж и расталкивал людей на перроне.

За ним бежал еще один мужик. Глаза у него было еще более бешенные. Он расталкивал тех, кого еще не растолкал первы. Но уже отставал и задыхался: «Сумку отдай!».

Мне говорили, что столица помешана на моде, но чтоб настолько!

Хотя, у нас в Гнильтауне и не такое бывало. Однажды мимо моего окна пробежал сосед. С выпученными глазами. А следом другой сосед. С выпученными глазами и топором. Так что только умение кидаться ведрами спасало мою рассу-ду от вытаптывания.

– Ну, – выдохнула я. – Здравствуй, Тварьбург!

– Ой, ну и вырядилась, – слышался женский голос рядом. Я обернулась и увидела даму в шляпе с черными перьями. – Ни стыда, ни совести!

– Ага, ничего лишнего! – с улыбкой ответила я, поправляя единственное платье в горошек, поверх которого была накинута воробьиного цвета кофта с тремя пуговками.

Ну... Погнали!

На моей шее был хомут из одеяла. А вдруг пригодится? Мало ли? Вдруг у родственников одеял не окажется? Или они настолько гостеприимны, что зажмут одеяло для сиротки? А это домашнее, теплое из шерсти йети! Попробуй найди такое в столице!

В правой руке была корзина, прикрытая платком.

Мне уже про цены в столице понарасказывали! Вон, дядька один ездил в столицу, проголодался и решил купить себе пирожок на вокзале... Пришлось хозяйство продавать! Чистая правда! Говорили, что хозяйство его брали неохотно. Дамы от его хозяйства нос воротили. Нехозяйственные они все в этой столице! Но за три года как-то хозяйством пирожок и отработал! Мне бабка покойная рассказывала. Когда я ее из могилы подняла посоветоваться.

Подмышкой у меня был мешок с подушкой. Ну еще бы! А вдруг у родни подушек не окажется? А тут – грифоний пух! Перышко к перышку! Сама выдирала!

В левой руке я тащила потертый вечно открывающийся чемодан с бельем и книгами по черной магии. А то вдруг в библиотеке не будет?

– Ой! – дернулась я, а какой-то мужик сдернул у меня с шеи мешочек. И бросился бежать, как ошпаренный.

Странные они какие-то тут все!

Вот интересно, зачем ему мой мусор понадобился? Там же огрызки от яблок, шелуха всякая и скорлупа от яиц.

– Выбрось по дороге! – крикнула я вдогонку. А то вдруг

не догадается?

Мужчины – они же недогадливые. Им прямым текстом намекать надо. Это я уже знала по горькому опыту.

Я в Гнильтауне, между прочим, восьмой красавицей числилась. Знаете, сколько женихов за мной бегало? О! А сколько от меня? А все потому, что мужики у нас, как цветы! Распустились!

Вот говоришь им, куда руки кладешь! Свои колени есть! На свои и клади! На мои-то зачем класть? Положил на свои, и самому теплее будет!

Но не понимают намеков! Совсем не понимают!

Приходится намекать прямым текстом! Ударом лопаты по голове. Жаль, половина из них намек даже после удара не поняла. Так... упокоилась. В непонятках.

И вообще, недогадливого мужика мне не надо! А не то буду, как троюродная тетка. Гадил-гадил ей муж ее всю молодость. А на старости лет взял да и бросил! Ну куда ж это годится? Недогадил жизнь, так сказать! Оттого и недогадливый.

– Девушка, может я вам помогу? – спросил меня какой-то вертлявый мужичок. – А то вон сколько на себя взвалили!

– Помоги! Буду не против! Сейчас адрес дам! В Гнильтауне. Поедешь, там тебя троюродная тетка встретит! Я ей напишу. Письмо дойдет через денек – другой. А ты на вокзале заночуешь пока что. А когда тетка придет, ты ей скажи, что от Пенни! Так она тебя быстро припашет! – ответила я. –

Быстрее, а то поезд скоро тронется!

Мужик опасливо отошел. И к какой-то мадаме пристал. Я пока стояла, передыхала, мадама ему улыбается, глазки строит. И чемоданчик свой отдает. Короче, прохвост чемодан схватил. И был таков с чужим чемоданом!

– Жилье! Недорого! Клоповник пять медяков! Тараканник – шесть! Крысятник – семь! – кричал охрипший голос. – Ночуйте с комфортом! Прабабушкин ремонт! Обзывчивые соседи!

Я упорно ползла к магическим пролектам, стоящим в один ряд. В одну из них уже грузили чьи-то чемоданы.

– Девушка! Вы приехали завоевывать столицу? О, я по глазам вижу! – подошел ко мне разодетый мужчина в цилиндре. И вежливо поклонился. – Мммм! Интуиция меня никогда не обманывала! Я сразу разглядел в вас талант! Да что там талант! Талантище! Прямо так и хочется похлопать!

И почему-то смотрел на мою грудь. Вот это он дает! Не мужик, а рентген просто! Разглядел шерстяные носки, которые я в бюстгалтер положила. Места в чемодане не хватило! Я, между прочим, эти носки сама вязала. На четырех спицах.

– На мой талант у вас аплодисментов не хватит! – гордо выдохнула я. И потащила дальше свои вещи. Некогда мне тут любезности слушать!

– Постойте! – улыбался сомнительный тип, догоняя меня. – У меня есть для вас работа! Скажем так...

Он почему-то загадочно улыбался:

– Наверное, спрошу так... Вы на лошадке прыгать умеете? М?

И что-то мне бровями показывает.

– Умею, – ответила я, сплевывая шерсть одеяла. – Через забор прыгала.

– О! Отлично! – обрадовался тип, потирая руки.

– Только я тогда забыла, что позади меня телега. И она снесла и забор, и сарай, и половину дома соседей! – вздохнула я. – До сих пор стыдно!

Тип как-то помрачнел и отстал. Позади меня снова слышался его голос: «О, красавица! Вы приехали покорять столицу! Какая грация, какая осанка! Вы... дайте-ка угадаю! Танцовщица! Ну, конечно, у меня глаз наметан! Как на счет очень прибыльной работы? О, согласны? Пройдемьте!».

Меня обгоняли случайные прохожие, гремя багажом. Все куда-то спешили, торопились. Где-то слышались гудки волшебных поездов. Они то прибывали, то отправлялись.

– Дамы и господа, поезд «Тварьбург – Смрадвилль» отправляется с третьей платформы! – слышался женский голос.

Люди похватали вещи. И дружной толпой бросились в портал.

– Ой, не туда посмотрела! Извините! – слышался голос. – Поезд «Тварьбург – Смрадвилль» отправляется с девятой платформы!

Мимо меня снова пронеслась толпа с детьми и чемодана-

ми.

– Нет, нет, все правильно! С третьей! Итак, дамы и господа, поезд «Тварьбург – Смардвилль» отправляется с третьей платформы! – снова послышался женский голос на весь вокзал.

Толпа опять пронеслась мимо меня.

– Гляньте кто-нибудь, что это за цифра? Три или девять? – послышался громкий голос. – Ой! Пока мы тут разбирались, поезд уже ушел!

Я увидела очередь к магическим пролеткам. И побрела к первой попавшейся, шатаюсь под тяжестью вещей. Это было что-то типа кареты. Только маленькая и без крыши.

– Садитесь! – кивнул мрачный извозчик. Двухколесная пролетка была обшарпанной и грязной.

Дорого, наверное! Но пешком – то вряд ли дойду! Эх! Придется раскошелиться!

Я полезла грузить вещи на сиденье. Извозчик прочитал заклинание и из земли появился магический конь.

– Поехали! – вздохнул извозчик, а я проводила взглядом вокзал.

Вокруг мелькали мрачные дома. Колеса то и дело попадали в грязные лужи, обливая прохожих.

– Вам куда? – спросил извозчик, повернувшись в мою сторону.

– Улица ... Сейчас посмотрю! – я достала из кармана мятую бумажку, которую дала мне покойная бабушка перед

тем, как я упокоила ее окончательно. — Мр... Мр...

Ветер трепал листочек в руках, а я пыталась разглядеть буквы.

— Мрачная, дом один... — прочитала я, прищуриваясь. И в ту же секунду ветер вырвал у меня из рук бумажку и унес куда-то вверх.

— Мрачная дом один? Ну ладно! — послышался голос.

Я уселась и нахохлилась. Дорого, небось! В столице все дорого!

Мой взгляд цеплял угрюмые окна и покосившиеся дома. Потом дома стали ровнее, словно выпрямились. А на первых этажах замелькали красивые магазины. В магических лавках было полным- полно народу. Кто-то рассматривал витрины. А кто-то уже выносит красивые коробки.

— Так вот ты какая! — вздохнула я. — Столица черной магии Тварьбург!

О! Не может быть! Я вижу... Академию Темных Искусств! Вон же она!

Я подскочила на месте. И даже встала, чтобы получше рассмотреть ее!

Огромная какая! Аж дух захватывает! Башни черные, из обсидианта! Ничего-ничего! Скоро я буду в ней учиться!

Усевшись поудобнее, я стала мечтать. Однажды я стану великой темной чародейкой. И мое имя прославится на весь мир! Да-а-а-а!

— Приехали! С вас три медяка. И за багаж столько же! —

озвучил сумму извозчик и повернулся ко мне.

– Да это же ручная кладь! – отозвалась я, показывая на свои пожитки.

– Шесть медяков! – произнес извозчик. Волшебная кляча помотала головой, как настоящая.

– А ну быстро отвернулся! – засопела я, расстегивая брошку на груди. А потом зыркнула по сторонам, чтобы убедиться, что никто не смотрит, где я прячу деньги! А то знаем мы, столицу! Здесь глаз да глаз нужен!

Извозчик закатил глаза и отвернулся. Тэкс! Это носок! Это платок... Вот!

– Ну, ты там скоро? – повернулся извозчик.

Я тут же стянула платье на груди и прищурилась.

– Не подглядывай! Так! Я кому сказала! Я – девушка стеснительная, поэтому быстро глаза выколю!

Я расстегнула еще две пуговицы, осмотрелась по сторонам и достала скромный узелок.

– Девушка, а побыстрее можно? – нетерпеливо заметил извозчик, пока я развязывала его.

– Быстро только хлеб дорожает, девственности лишают да кошки рожают! – ответила я, сосредоточенно отсчитывая деньги. И пересчитывая их внимательно, перед тем, как отдать.

– Все, сочлись!

Я выбралась из пролетки вместе со своими пожитками.

– Улица Мрачная дом один, – прочитала я красивую над-

пись на каменной заборе. За которым прятался, но никак не мог спрятаться огромный особняк. Ничего себе дальние родственники устроились! Это раньше они были дальними. А теперь – самые ближние!

Схватив все свои вещи, я побрела к красивым воротам. Они были увиты черным ядовитым плющом.

– Эй! – крикнула я во все горло. И встала на цыпочки, чтобы проверить, не высунулся ли кто? – Открывайте!

Глава вторая. Только волей случая не последняя!

Меня огорчало, что меня никто не встретил! И даже не торопился открывать. Видимо, зазнались совсем! А может, просто спят!

– Открывайте! Я приехала! – погремела я закрытыми воротами. – Я – ваша любимая троюродновнучатая Пенни! Пенни Вайс!

Ну не могли же они умереть, узнав о моем внезапном визите?

И тут я вспомнила! Ну как же я могла забыть! Бабушка, покойная, говорила, что моя какая-то там тетя, имя которой не помнила даже бабушка, слегка глуховата! И слышит только то, что хочет слышать. Но только левым ухом.

Я встала ногами на ворота и покачалась, издавая грохот. Но никто так и не выбежал меня встречать.

– Плохо, – вздохнула я, пытаясь присесть. «Не сюда!», – похолодела попа. Я мельком глянула, что чуть не раздавила корзину с яйцами.

Время шло. Мрачные тучи собрались над Тварьбургом, обещая дождь и неприятности. От нечего делать, я залезла рукой в красивый почтовый ящик и достала оттуда свежую газету.

– Прогноз погоды. Сегодня над Тварьбургом ожидается дождь и возможно конец света. Так что берите с собой зонт! – прочитала я прогноз погоды.

Новостей в Тварьбурге было много! Не то, что у нас! У нас с новостями вообще беда. Если бы не местный зельеголик, то вообще новостей не было бы!

Не то, что здесь. «Жестокое убийство среди бела дня!», – прочитала я заголовок. «Юная красавица была найдена мертвой в могиле! Родственники в шоке! Они похоронили ее пять лет назад!». Как интересно! Столько новостей!

Ладно, потом читаю!

Я сунула газету себе в чемодан. Должна же я быть в курсе всех новостей?

Накрапывал противный дождик. Темная брусчатка стала еще темней. Капли дождя попадали за шиворот. Где-то вдалеке дымили радугой трубы. Красота!

Мне бы еще сегодня в Академию успеть поступить! Я вспомнила башни Академии, представила, как меня берут с руками и ногами! «Ой, где же ты раньше была!», – причитает старенький ректор. – «Нам такие талантливые студенты очень нужны!».

Я посидела под дождем, но никто так и не открыл.

Потом я вспомнила, что тетя уже очень старенькая. И ей будет тяжело проделать весь этот долгий путь от двери до ворот. Поэтому решила облегчить ей задачу. Нечего тете под дождем ходить. Она, по словам бабушки, и так на свечку

еле дышит!

– Уии! – перебросила я через ядовитый плющ скатку одеяла. Следом полетела подушка. И старый чемодан с остальными вещами. Корзину с яйцами я привязала веревкой к воротам, чтобы потом аккуратно втащить ее.

Уцепившись за ядовитый, мокрый от дождя черный плющ, я стала взбираться на забор.

– Вот сволочи! – обиделась я на родственников, когда поняла, что на заборе острые пики. – Ииии! – прыгнула я вниз, чувствуя, как треснули мои панталоны.

– Не ну надо же! – обиделась я, глядя, как они висят прямо на заборе. – Ладно, пусть думают, что сушатся!

Осторожно втащив корзину, я нацепила на шею хомут одеяла и заняла руки своими багажом.

Ровная дорога вела к ступеням. Справа и слева сидели две зловещего вида горгульи с высунутыми языками.

– Да что ты будешь делать! – простонала я, затаскиваясь по ступенькам в двери.

Я сначала просто постучала. Потом, когда никто не вышел, постучала носком старого ботинка. Потом я залезла на мокрую горгулью и дотянулась до красивого большого окна.

– Открывайте, в самом деле! – прозвенела я стеклом. А заодно и посмотрела, что там и как. Но ничего не увидела. Окно было плотно занавешено шторами.

– Небось, деньги считают, – вздохнула я, снова постучав в окно. Ветер поднимал мою юбку, а я зажимала ее ногами.

Руки чесались, но я не сдавалась. На всякий случай я пошарила рукой под подоконником, потом заглянула в пасть горгульям и под конец проверила над дверью. А вдруг ключ положили?

Я вспоминала, кто еще живет вместе с глуховатой тетей. Бабушка говорила про других родственников, которые приезжали один раз. И то, когда я только-только родилась!

Ну если дело так пойдет и дальше, то я не успею ни в какую Академию!

Я стала стучать в дверь носком. Потом чемоданом.

– Открывайте! – кричала я, ломясь изо всех сил. Тоже мне, родственники! Как соболезнования слать, так первые. А как открыть дверь, так последние!

Я взяла чемодан понадежней, размахнулась им как следует... Если они и сейчас не услышат, то... Я зажмурилась и...

Внезапно дверь открылась. И кто-то согнулся с диким стоном.

Мне стало очень неловко. Я совсем забыла про хорошие манеры. Оттянув юбку в разные стороны я отвесила косолапый реверанс. Бабушка говорила, что в столице любят хорошие манеры.

Пока что я видела макушку. Седые волосы. И ровный пробор. А еще я видела черный шелковый халат. Длинный такой. Дорогой, наверное.

– Здравствуйте, тетечка. Извините, что так получилось! Я не хотела, – до меня только дошло, что я чемоданом, будь он

не ладен, чуть тетку на тот свет не отправила! Старенькую, между прочим!

– Ты кто такая? – процедил тихий голос, не разгибаясь.

– Я ваша любимая внучатая троюродная, – загибала пальцы я, вспоминая степень родства. – Племянница по материнской линии... Пенни Вайс! Пенелопа, если что! Помните меня? Вы меня еще голенькой на руках держали?

Тетечка подняла голову. И оказалась ... дядечкой. При чем, очень молодым. Не смотря на седину. Вид у дядечки был бледный, нездоровый. Что называется аристократичный.

– Девонька! – послышался отчаянный крик с улицы. Я обернулась. За воротами стояла сгорбленная старуха. В серой шали поверх траурного платья. Она видела все происходящее сквозь черные ворота.

– Здравсте! – вежливо поздоровалась я. – Соседка? Ну будем знать!

– Что ж ты натворила! Беги, девонька! – крикнула старуха. – Беги оттуда, родненькая! Заклинаю... Беги! Пока не поздно!

– Ой, да ладно вам! – вздохнула я, глядя на бабку. – Это ж мой восьмьюродный дядюшка! Нет, ну может он и извращенец какой, я не знаю. Но родственник! А родственников, как говорится, не выбирают!

Бабка исчезла за забором.

– Вот бдительные тут соседи! Прямо как у нас! Один раз

так набдели, что еще месяц носило! – улыбнулась я.

– Ну... вспомнили меня? Голенькой на руках? – подняла я брови, пытаюсь напомнить, как понаехали родственники со всех концов, когда я только родилась.

На лице мужчины было явное непонимание.

– Голенькой... – крутила я рукой, пытаюсь стимулировать процесс воспоминаний. – Я еще орала громко! Ну... Вспоминайте...

Глаза у мужика были странные. Розоватые какие-то. Светлые и большие. Брови черные, хищные. А щеки впалые. Но в целом он был красивым. У нас все родственники красивые! За бабкой до конца ухажеры увивались. Один дед с цветами пришел. Я ему говорю, что померла! А он: «И эта меня бросила!».

– Да что ж такое! Ну... Я... Голенькая... На руках... И писялась, – сдавалась я.

И тут я не выдержала. С пасмурного неба накрапывал премерзкий дождик. А я уже и так намокла.

– Короче! Здравствуйте! Я – ваша внучатая племянница по троюродной тетушке! Я из Гнильтауна! Пенни Вайс! – начала я сначала. – А где тетя?

– Вон, – послышался мрачный голос. Аристократ поднял руку.

– Очень приятно, – пожала я его руку. – А я Пенни! Имя у вас красивое! Вон! А если вас ищут, то как говорят:» «Вон там?». Да ладно вам, красивое имя! Вон! Надо запомнить!

А то память у меня на имена ужасная! Вон, Вон, Вон...

Небо над Тварьбургом стало рассеиваться. Погода «распогаживалась». Как говорила моя покойная бабушка. Серые тучи, понабежавшие, чтобы подмочить репутация города, превращались в облака. А сквозь них пробивалось яркое солнце.

Родственничек резко сделал шаг назад, прячась в сумраке дома. Он снова поднял руку и...

– Ой, да ладно, я сама занесу! Я вам гостинцев тут привезла! А ничего, что я поживу у вас тут с месячишко? – втаскивала я чемоданы и свертки. А потом с грохотом закрыла дверь. И перевела дух.

– А что? Кто-то помер? – спросила я, видя черные глухие шторы на каждом окне. И мрачную обстановку.

И тут же вспомнила.

– Ой, я забыла! Тетечка же померла... Остальные тоже померли, я так понимаю? Нет, ну разве так можно? Померли, а нам не сказали! Я всем написала, когда бабушка померла! Она нарочно неделю не умирала, чтобы все успели приехать и попрощаться! Хотела половину на тот свет утянуть! – заметила я, втаскивая чемодан.

Света не было. В роскошном коридоре было темно и пыльно.

– А что? Магический свет отключили за неуплату? – удивилась я, глядя на подсвечники, поросшие паутиной. – Или экономите? Ну правильно! Вы тут цены видели? У нас из

Гнильтауна самоубийцы частенько к вам приезжают в Тварьбург. Заходят в магазин, на цены смотрят. И все!

Я осматривалась по сторонам, отмечая, что места тут на всех хватит! И стеснять я никого не буду! Это хорошо.

– Ой, – всплеснула я руками. – Что ж я стою! У меня тут гостинцы! Или вы думали, что я с пустыми руками приехала к дорогим родственникам? Билеты до Тварьбурга вон сколько стоят! Поэтому вы и дорогие!

Мужик явно мучился. Видимо с похмелья! Но был очень рад меня видеть! В темноте было видно, как у него глаза загорелись! От радости!

– Ну, – уперла я руку в бок. – Вспомнили? Эх, а еще говорят, что память девичья!

Я наклонилась к корзине и скинула с нее платок. Сверточки, обтянутые веревкой были аккуратно сложены друг на друга.

– У вас вообще что дома есть? – спросила я, шурша свертками. – Ой, а что мы все здесь! Где у вас тут кухня?

Родственничек уже пришел в себя. Ну еще бы! Радость-то какая! Столько лет не виделись!

– Пройдем, – слышался его мягкий, обволакивающий голос. Он звучал в темноте как-то по-особенному. Словно завораживал.

– Ну хоть бы помогли, а? – произнесла я с укором. – А то тоже мне, джентльмен!

Родственник взял чемодан. И корзину. На шее у него по-

явился хомут одеяла.

Огромная каменная лестница, стыдливо прикрытая пыльным ковром, насчитывала сорок ступеней.

– Ну и лестница! Смотри, яйца не побей! – заметила я, тревожно глядя на корзину.

– Спасибо за заботу, – послышался странный голос.

– А то потом растекутся по всей лестнице! Орать будешь, – вздохнула я, глядя на широкие плечи и черный халат.

– А, налево! Ну ладненько! – кивнула я, идя мимо старинных портретов родни. Родня делилась на два вида. Унылые и злобные. И висели по очереди. Унылый – злобный, унылый-злобный.

Ну еще бы! В столице жить – удовольствие недешевое! Бабушка говорила, что в городе и подышать бесплатно нельзя! Она сама когда-то в Тварьбурге жила. И все про него знает!

Я остановилась возле портрета какого-то мрачного деда. В костяных руках у него была бумажка.

– О, сразу видно, что счета получил! – вздохнула я. И прочитала: «Последний портрет лорда Рунвэна». – И помер, как очки нашел! И пригляделся!

Мы шли по коридору. Черная дверь открылась и впустила нас в старинную столовую. Посредине стоял огромный стол. За ним бы поместилась половина Гнильтауна! Роскошные стулья стояли в идеальный ряд. Справа и слева от стола.

Огонь в камине не горел. Оттого и выглядело все неуютно.

– Сразу видно, что яиц у тебя... ну то есть, вас, нет! –

заметила я, осматривая смежную комнату, которая звалась кухней.

– А с чего это ты моими яйцами интересуешься? – спросил родственничек странным голосом. Он присел в кресло возле камина. Огонь вспыхнул моментально. Но он был каким-то странным. Впервые я вижу зеленый огонь!

Ну, может, в столице это модно? Я ж пока не в курсе всех мод.

– Потому что свои привезла! У меня яйца – загляденье! Одно к одному! – доставала я свертки и раскрывала их. – Вот, яйца грифонов. Грифоны в этом году знаете, как неслись!

– Прелестно, – задумчиво заметил родственник, глядя на меня со странной улыбкой.

– А вот бедрышки грифоньи! Сама забивала! Вот приготовлю – пальчики оближете! – шелестела я сверками. – А вот варенье. Из имбиря! Только много его нельзя! Так, на хлебушек и хватит! От него у троих уже слиплось. Потом не разлепили! Так что с ним поосторожней! А вот соленья! Сама делала! Урожай нынче так себе! Видали, какая нынче мандрагора мелкая пошла! Я весь огород перекопала! На восемь банок хватило!

Я доставала из корзины продукты, переживая, что что-то забыла.

– Яблоки молодильные! Как съешь сразу на пять килограмм помолодеешь! – выкладывала я на стол наливные яб-

лочки. – Так, вяленный единорог. Суховат, правда, но тоже ничего так! Он у меня три года валялся. Дай, думаю, заберу!

Корзина пуста на глазах. На стол перекечывали приправы и даже грибной чай.

– Знаю я, что как только за порог, соседи все разграбят! Бессовестные. Ничего оставить нельзя! – вздохнула я. – Нет, я всю скотину уже давно забила...

Меня слушали очень внимательно. С явным интересом.

– Так что криминала в Гнильтауне стало меньше! – вздохнула я. – Но дом все равно сожгла! Точнее, я жгла сарай, а на дом само перекинулось. И правильно сделала! Знаю их! Нечего чужое добро присваивать. А то чужое зло прилетит! Как говорил мой покойный дедушка, добиваться всего и добивать жертву нужно самостоятельно.

Я снова подняла глаза на родственника. Он сидел так вальяжно, так напыщенно. Сразу видно, столичный!

– Короче, потом комнатку мне выделите? – попросила я. – А вон какой домина огромный! Можно на чердаке. Я привычная!

– Зачем же тебе комната на чердаке? – спросил родственник, не сводя с меня глаз.

– Как зачем? А вдруг вы насильник какой? – с подозрением посмотрела я.

– Разве что правилами этикета, – послышался ответ. Но все равно глаза его горели в полутьме от радости.

– О, нет! Мне эта... как его... дефекация... или как-там

правильно, когда ну... девушку невинности лишают! Запаятовала! – нахмурилась я.

– Правилами этикета в грубой извращенной форме, – предложили мне.

– Эх! Течет ручей, бежит ручей! А в нем мужик плывет ничей! – усмехнулась я, глядя на свои запасы. – Нет, спасибо! Мне сейчас не до романтики! Мне бы в Академию поступить! Ой! А сколько времени натикало? Мне не пора?

– Думаю, что ты никуда не пойдешь, – заметил родственник.

– Ну да! Думаете, устала с дороги? – спросила я, присаживаясь на стул. – Да, есть маленько! Академия вообще до скольких принимает? Не знаете?

Глава третья. Мужчина с маленьким хозяйством

Родственничек молчал. Он смотрел на меня очень внимательно. И мне это показалось подозрительным.

Сейчас как начнет отговаривать! Ой, чую, что начнет!

– То есть, ты хочешь стать магом? – слышался тихий вкрадчивый голос. – Как интересно...

– А что? – тут же с вызовом ответила я. И уперла руку в бок. – Я уверена, меня возьмут с руками и ногами!

– Прекрасный настрой. Значит, поступаешь в Академию Магии, – с улыбкой повторил родственник, откинувшись на спинку кресла. Он о чем-то задумался. Его тонкие пальцы соприкоснулись подушечкам.

Вот не могу привыкнуть. Седой, как старик. Но при этом лицо молодое, красивущее! Я бы его сзади за тетечку приняла. Если бы не рост и плечи. А так мужик красивущий. Хоть ставь и любуйся!

– А жена ваша где? – спросила я, на всякий случай осматриваясь.

– Я не женат, – ответили мне загадочным голосом. Все еще что-то обдумывая.

– Понятно, – начала я, оглядывая замок и халат. – Потому что хозяйство у вас маленькое!

Родственник расширил глаза от ужаса и чуть не подавился.

– Мужик с маленьким хозяйством – это горе для бабы! – ответила я, тяжело вздохнув. – Вот у нас у одного хозяйство маленькое было! Так ни одна девушка за него не пошла! Хотя всем предлагал! Женщине от мужчины что нужно? Чтобы хозяйство большое было! Что ж она в руках держать будет? А то смотришь на большое хозяйство – душа радуется! Прямо сердце поет! Есть к чему руку приложить!

– А с чего ты решила, что у меня хозяйство маленькое? – прошипел родственник. И сощурился.

– Вы на руки свои посмотрите, – вздохнула я. – Это ж по рукам видно! Вон какие руки у вас тонкие, изящные. А было бы большое хозяйство, то вот такие мозоли бы были! Чем больше хозяйство, тем больше мозоли!

Я с укором посмотрела на него. Тоже мне, родственничек! Позор!

– Утречком встал и сразу за хозяйство хватать! То яйца проверить! Мало ли, что за ночь изменилось? То хрен потеребить! Мало ли, что на нем выскочило? – рассказывала я, вспоминая, как иду мимо грядок и проверяю листики. – У нас вообще горе! В этом году многие без хрена остались! Пожрала их какая-то болячка! Красные такие, огромные штуки выскочили! За ночь, причем... Пришлось срезать всем под корешок!

Я чуть не заплакала, вспоминая, как своими руками хрен

срезала.

– Плакали, но срезали! Бабы рыдают. Как же им теперь без хрена? Мужики рыдают! Им без хрена вообще никак! – выдохнула я, опустив голову и вспоминая вкусные закрутки из хрена. Ммм! Пальчики оближешь!

Родственник сидел в гробовой тишине. Видимо, сочувствует. Сердечный он, как погляжу. Сразу видно, что душевный человечиче! Хотя и с хозяйством маленьким!

– У меня столько их было! – я чуть не разрыдалась, вспоминая грядки. – И большие! Толстые прямо! Загляденые одно! И маленькие! И средненькие! В рот берешь, так сразу такое блаженство! Все срезать пришлось. А что вы хотели? А вдруг гадостью какой заразят? Ой!

Я посмотрела на стол и опомнилась. Что это я все о своем хозяйстве, да о хозяйстве? Нет у меня больше хозяйства! Променяла я хозяйство на мечту заветную. Вон, одна банка с хреном осталась. Из старых запасов.

– Ешьте, что ж вы сидите, как неродной! – я показала на угощение. – Налетайте! Я что? Зря через полстраны везла? Ну-ка, давайте, за щеку и челюстями работайте!

– Я не хочу, благодарю, – на меня смотрели пристально. .

– Погодите! А вы точно не из этих? – спросила я, присматриваясь к лицу родственника. Внезапная догадка осенила меня. И я ужаснулась! Не может быть! К кому я приехала?

– Из кого? – с любопытством спросил мой родственник. И подложил кулак себе под подбородок.

– Ну... из этих! – припоминала я. И щелкала пальцами. – Бледная кожа... Вид у вас нездоровый... Глаза красные...

Его брови на секунду приподнялись. И тут же опустились. Уголки губ чуть-чуть дрогнули в улыбке.

– Вы живете один... – вспомнила я, как он бросился в дом, как только первые лучи солнца пробились сквозь тучи. – Бойтесь яркого света...

– Продолжай, – послышался мелодичный голос. Улыбка становилась шире.

– Вы ничего не едите по утрам, – посмотрела я на нетронутые гостинцы. И тут же подняла глаза. – Я знаю кто вы...

Повисла тишина.

– Ну, говори, – в голосе послышалась усмешка. На меня смотрели с широкой хищной улыбкой.

– Вы – алкоголик? – с ужасом спросила я, зажав рот рукой. Вот только алкоголиков среди родни мне не хватало!

– Что? – резко встал с кресла родственник. – Алкоголик?

– Ой, да ладно вам, – вздохнула я. – Сразу предупреждаю! Я не пью! Ни капли в рот! А вы лечитесь! Если хотите, то я могу вылечить вас! Шансы серединка на половинку. И это то, что выживете! А то, что излечитесь – почти сто процентов!

Я посмотрела на старинные часы.

– Ой, что-то я засиделась! – всплеснула я руками. – Мне ж в Академию поступать сегодня! Ладно, побежала я! Скажете в какой стороне она? Туда или туда?

Я подошла к окну и слегка отодвинула глухую черную

штору. Что-то отсюда Академии не видать совсем!

И тут я почувствовала, как меня схватили. Хоть и алкоголь, но такой замечательный! Просто диву даешься, как такие люди вообще в этом мире выживают!

— И я очень рада вас видеть! — выкрутилась я, обнимая его в ответ. — Вы такой милый и душевный человек! Я думала, что меня за порог выставят! А оказалось!

Нет, ну чудесный он! Я встала на цыпочки и по-родственному чмокнула его в щеку.

— Фу! — послышался голос. И меня тут же отпустили. На лице родственника читалось омерзение!

Мне стало стыдно. Запах не выветрился. Ничего, по дороге в Академию выветрится!

— Ой, простите! — вздохнула я, принюхиваясь к платю. Пахло оно жутко. Чесноком и немного хреном. — Это я в поезде чеснок хреном закусывала, чтобы с комфортом ехать! Чтоб сидишь такая, а вокруг никого! Даже ноги есть куда выпрямить! Красота!

Я помолчала.

— И осуждать меня не надо! — прокашлялась я. — Я на билет сама заработала! А эти лодыри безбилетниками ехали! Понабились в вагон, так еще и тебя с законного места сжидают!

И тут я вспомнила! Мне ж в Академию надо! А то вдруг закроется? Тут в столице все по часам работает! Мне бабушка говорила.

– Ладушки, я в Академию! Вечером вернусь и все расскажу! – улыбнулась я. Нет, ну до чего же замечательный человек у меня в родственниках ходит! Главное, понимающий такой!

Я вышла в коридор. В коридоре стояло огромное зеркало. Занавешенное черной тканью.

Ну да, я же забыла! Тетка-то померла. Традиция!

Осторожно стянув ткань, я отряхнула свое единственное платье, приосанилась перед зеркалом и переплела косы. Ну все, красавица! Сейчас только чулки подтяну! И вперед! Завоевывать Академию!

Я сбежала по ступеням, как вдруг...

Увидела, что мой дорогой родственник стоит возле двери.

– Нет, – с улыбкой произнес он. – Ты никуда не пойдешь. Слишком поздно...

Я глянула в окно, отогнув шторку. Да не поздно! Вот, еще светло на улице! Поздно, это когда луна взошла. А пока день – деньской!

Эх, приятно, когда за тебя кто-то волнуется, переживает! Мы тут без году два часа знакомы, а он вон как тревожится!

– Ой, да не волнуйтесь вы! – улыбнулась я, глядя на эту заботу. – Понимаю, что девушке молодой нельзя вот так вот по столице разгуливать. Знаю я, что тут маньяков полным-полно! Бабушка говорила, что по статистике на каждую жительницу столицы два маньяка приходятся! Вот и следят за ней по очереди. Расписание составляют. Сегодня ты, а завтра я.

Я смотрела в розовые глаза с мольбой.

– Ну хватит вам, – вздохнула я. – Я очень ценю вашу заботу... Но мне срочно нужно в Академию! Вот прям срочно-срочно! Срочнее не бывает!

Глава четвертая. День закрытых дверей

Мой дорогой родственник стоял насмерть. Я решила не допускать членовредительства. И приберечь его для маньяка.

– Хорошо, я никуда не пойду, – вздохнула я, поворачивая обратно. Как только родственник успокоился и отошел от двери, я бросилась к выходу, дернула двери и выскочила на улицу.

– Вечером вернусь и все расскажу! – помахала я, направляясь к выходу из поместья.

Мне ужасно хотелось прогуляться по Тварьбургу и увидеть все его достопримечательности!

Я столько слышана про этот чудесный город, в котором правит темная магия! Говорят, что в одном месте была вечно текущая канализация. Так вот, городские власти устали с ней бороться и сделали из нее фонтан! А еще есть великая яма. Прямо посреди дороги! Там исчезли двадцать шесть карет и три миллиона на ремонт! Как не посмотреть такую достопримечательность?

Пока я шла, любуясь городом, мои мысли возвращались к моему очень дальнему родственнику. До чего же он красив! Красивые мужчины, конечно, встречаются. Но в основном

друг с другом. Эх!

Дождик оставил свои мокрые следы вдоль тротуара в виде огромных луж. Прохожие шарахались к витринам, когда очередная карета лихо окатывала их грязной водой.

Мне говорили, что Тварьбург – самый мрачный город на свете! И люди здесь злые. Особенно к провинциалам, вроде меня.

Но я что-то не заметила злобы и ненависти! Наоборот! Даже проезжающие мимо кареты приостанавливались, чтобы не обрызгать грязной водой из огромной лужи мое единственное платье.

– Спасибо, – вежливо улыбалась я каретам.

Может, дело в моей улыбке. А может, дело в огромном грязном кирпиче, который я демонстративно несла на вытянутой руке.

Бабушка всегда говорила: «Люди при виде улыбки сразу становятся добрыми и отзывчивыми. Улыбка – это ключ к сердцам людей. А окровавленный кинжал – это всего лишь приятное дополнение к милой улыбке!».

Я вспоминала те деньки, когда сидела возле дома и мечтала. Вокруг меня роились стайкой голодные вампиры с местного кладбища. А я расчесывала мелкие вампирские укусы, предавалась мечтам о будущем.

Я мечтала о том, что однажды переступлю порог Магической Академии, надену форму и буду учиться. Конечно же, на отлично! Академия будет мною гордиться. А старенький

ректор лично пожмет мне руку и вручит диплом!

– Свежие новости! Свежие новости! – шуршал газетами маленький босоногий мальчик в огромном потертом цилиндре. – В городе объявился известный маньяк-насильник! Запись по адресу...

Я с удивлением рассматривала ближайшую витрину. Ох, ничего себе! Это что за циферки такие? А! Это цены?! Мамочки!

Мимо меня прошла настоящая темная фея. Огромные черные крылья торчали из спины. И я обернулась, чтобы рассмотреть ее получше. До чего же они красивые! В наших краях феи встречаются редко! Они обычно встречаются в столице. С богатыми и знатными дядями!

– Свежие новости! Свежие новости! – надрывался мальчишка охрипшим голосом. – В Тварьбурге проходит ежегодный фестиваль великих черных магов! Великие чернокнижники меряются концами света! В программе: ужасы, кошмары, паника и много-много жертв! Вход свободный! Туалет платный!

Я прошла мимо мальчика, рассматривая большие респектабельные дома. И завидуя тем, кто в них живет.

– Грабитель напал на добропорядочного гражданина и отобрал всю зарплату! Бедняга запомнил нападающего! Еще бы, жену трудно не запомнить! – хрипловато, но очень громко выкрикнул мальчишка. – Вот, сэр! Возьмите! Благодарю! Свежие новости! Свежие новости!

Я обернулась и увидела, как господин в черном покупает газету и несет ее в карету.

Однажды я тоже буду ездить в карете! И жить в роскошном особняке!

С этими мыслями я свернула за угол. В туманной дымке поднимались черные башни Академии. Грозно, неприступно и величественно они нависали над городом.

В шпиль одной из башен ударила яркая молния. Из соседней башни черной тучей сочилась тьма, вытекая из узких окон.

– Ух-ты! – выдохнула я, рассматривая каждую башенку.

Черные ворота были открыты. Я с радостью шагнула навстречу мечте. Сердце то замирало, то билось со страшной силой. Даже руки тряслись от волнения.

Остановившись перед огромными дверьми с ручками-горгульями, я выбросила кирпич и одернула платье.

Дверь открылась. Из нее хлынули студенты. В руках девочки, идущей мимо меня, был огромный потертый фолиант по черной магии для начинающих!

Я вошла в открытую дверь. Просторный черный холл гулким эхом отразил мое вежливое: «Здравствуйте!».

– Ничего себе! – задрала я голову, глядя на зеленых светлячков, которые облепили черные стены. Кровавый ковер под ногами вел меня в сторону роскошной лестницы.

– Вы куда? – спросила меня стража, стоящая возле лестницы.

– Эм... Я поступать! – улыбнулась я, рассматривая мрачную роскошь черной магии.

– Вступительные экзамены закончились вчера! – послышался хриплый голос одного из стражников.

– Так это ж здорово! – пожала плечами я, пытаюсь пройти.

– Нельзя! – передо мной скрестились сверкающие ленты заклинаний. – Если вы по поводу результатов, то вон туда!

Меня развернули в сторону целой стены: «Информация для поступающих!».

Я подошла к стенду, глядя на кучу бумажек. «Результаты не обжалуются!», – прочитала я. Поводив носом и повставав на цыпочки, чтобы было лучше видно, я перечитала расписание результатов поступления. И списки поступивших.

– Ну, – спросила я у суровой охраны. Они стояли в темных доспехах. В прорезях сверкали жуткие глаза. – Где написано, что не берут? Я все прочитала!

– Экзамены закончились. Результаты на стенде, – хором ответила охрана.

– Приемная комиссия принимает с девяти до трех, – начала перечитывать я. – Все вопросы по поступлению в приемную комиссию!

Я бросилась обратно к охране. Огромные часы показывали пять часов. Зловещая большая стрелка подбиралась к пяти.

– А приемную комиссию можно? – спросила я, слыша эхо своего голоса.

– Они уже не принимают, – скрипнули зубами охранники.
– Завязали что ли? Так это ж хорошо, что уже не принимают! – обрадовалась я, вспоминая кличку местного зелье-голика «Приемщик». – Дольше жить будут! А то принимать – это плохо! Раз принял, два принял, три принял, а потом постоянно принимать начинаешь! Скажите им, чтобы завязывали!

– С утра приходите, – послышался голос одного из охранников.

– Пока трезвые? Ну да, – согласилась я. – Пока трезвые еще можно поговорить. А когда уже приняли, то все! Я просто хочу поступить в Академию. Очень хочу. Мечтала всю жизнь! Представляете?

Часы пробили пять. Гул пошел по черному залу Академии, сотрясая ее эхом. Волшебные светлячки плавали в полумраке, вздрагивая от каждого «бом!».

– Прием посетителей окончен! – послышался голос охраны. – Освободите помещение!

– Так я и не захватывала его! – ответила я. Но тут же в сердце вспыхнула надежда. – Так с кем мне поговорить, чтобы в Академии учиться?

– Если вы есть в списках, то с ректором! – отрезала охрана, заслоняя мне проход заклинанием.

– А где я могу найти ректора? – оживилась я, глядя на неприступную лестницу, охраняемую надежными заклинаниями.

– На третьем этаже! – послышался ответ.

– Ну так пустите меня на третий этаж! К ректору! – возмутилась я, упирая руки в боки.

– Не велено. На третий этаж могут пройти сотрудники Академии, студенты и те, у кого есть полномочия, – ответила охрана. – Например, министр темных сил! Или сам темный лорд!

– Значит, полномочия, – вздохнула я, начиная расстраиваться. – Везде полномочия нужны! А девушкам что? Как им без полномочий жить! Ой, а можно тогда ректора сюда позвать? А?

– Не положено. Ректор занят! – послышался голос охранника.

– Да я что тут жениться пришла? Или отбивать ректора? – удивилась я. – Ну занят, так занят! Нет, понимаю, я девушка молодая. Но скажите его девушке, чтобы не ревновала! Я просто спросить!

– Прием посетителей окончен, – хором произнесла охрана. – Ректор занят работой! Приходите в другое время.

– А у вас тут написано, что ректор ведет прием до шести, – показала я на стенд.

– До шести ... – переглянулась охрана, получившая четкий приказ сверху. – До шести человек. Шесть уже было. За черту не заходить!

– Ой, а если я его позову? – спросила я, тревожно глядя вверх. – У вас не написано, что звать ректора нельзя...

Охрана, конечно же, соврала! Ректор Академии Темных Искусств города Тварьбурга Мортифер Торн был вовсе не занят. Ни работой, ни ревнивой красоткой. Да и приемный день по регламенту заканчивался в шесть, а не в четыре.

Просто у ректора уже голова гудела от возмущенных криков не поступивших и их многочисленной и разъяренной родни.

Роскошные черные волосы Мортифера были идеально расчесаны и уложены. Ведь можно быть темным властелином и думать о красоте собственных волос?

Его суровый и строгий взгляд внимательно следил за каждой строчкой в газете. Ректор пытался понять по скудным очеркам, куда дует политический ветер. И в какую сторону прогибаться Академии.

Следить за политической жизнью славного города Тварьбурга мог только человек с крепкими нервами. Или стоящий посреди поля пустыльника. Чтобы срывать и глотать, не жуя.

Бедная муха, случайно залетевшая к нему в кабинет, лопнула в стекло: «Выпустите меня! Или хотя бы не читайте вслух!».

– Значит, власть в Тварьбурге... да и во всем Черном Мире сменилась, – задумчиво произнес Мортифер, закрывая свежую газету. – Смертельная битва великих чародеев окончена. Интересно, кто победил? И есть ли вообще победитель? Сейчас сидят, небось, и зализывают раны...

Красавец ректор откинулся на спинку черного трона. Черные, искусно вырезанные розы обвивали не менее искусно вырезанные черные черепа, сплетаясь с такими же черными змеями. Старинные книги аккуратными рядами стояли на полках, тщательно разложенные по цвету и толщине.

Мортифер очень любил порядок.

– Имя так и не объявили, – махнул рукой ректор, закрыв газету.

Он прекрасно знал, что битва за власть – это самая страшная битва. На какие только ухищрения не идут чародеи, чтобы победить. Кто-то нарочно отлавливал оборотня, предлагал ему деньги, дабы тот укусил его. Кто-то разрешал демону вселиться в себя, ради обретения сверхчеловеческой силы. Кто-то не без удовольствия приносит в жертву всю родню, дабы удостоиться высшей власти.

– И с каждым разом все чудовищней и чудовищней, надо думать, – поднял брови ректор и поджал губы. – Чудовища сражаются друг с другом. А потом самое чудовищное чудовище становится Темным Лордом.

Предыдущий Темный Лорд, уничтоживший почти половину мира, сеющий панику и пожинаявший ужас, случайно подавился печеньем. И скончался еще до прибытия злопыхателей.

Когда подоспела помощь, остыл не только ужин, но и сам старенький лорд с надкушенной печенькой в руках. Вот такая глупая и нелепая смерть одного из самых могуществен-

ных чародеев.

– Бррр! – поморщился молодой ректор, представляя ужасы, который творились во время битвы за опустевший трон.

А потом успокоил себя тем, что Академии никакие ужасы не касаются. Вступительные экзамены уже позади, истерики и вопли неудачников тоже. Так что волноваться нечего.

– РЕКТОР!!! – слышались жуткие вопли. Они напоминали крик призрака Баныши, предвещающего смерть, вой голодного оборотня на высоких тональностях и еще что-то очень ужасное.

Морфтифер подпрыгнул от неожиданности. Красивые зеленые глаза ректора расширились. И он тут же очень понадеялся, что ему это почудилось!

– РЕКТОР!!! ВЫХОДИ!!! – снова слышался тот самый жуткий вопль. Он многократным эхом отражался от стен. И становился еще страшнее.

Впервые в жизни ректору Магической Академии Темных Искусств стало как-то не по себе. Неуютненько. Он даже повел широкими плечами, слегка сутулясь.

– РЕКТОР!!! – снова закричал этот пронзительно жуткий голос. И он мурашками пробежал по ректорской спине.

Мортифер сомневался, что в мире есть такое создание, способное издать столь мерзкий и ужасный звук. А если и существует, то его срочно нужно прикончить. Это его долг перед всем человечеством.

– РЕ-Е-ЕКТОР!!!

В крике слышалась некая гнусавость. Некто гнусаво и мерзко тянул букву «е». Хотелось встать, бросить все, спуститься, своими руками сдавить чью-то шею и сделать мир лучше.

– РЕ-Е-ЕКТОР!!! ВЫХОДИ-И-И! – крик стал еще гнусавей и противней.

Все нервные клетки корежились, словно их кто-то намазывало на кулак. Неведомое создание с чудовищным голосом заставило ректора передумать.

– Да что там?! – вскочил ректор окончательно, направляясь к двери.

Глава пятая. Грязная история

– РЕ-Е-ЕКТОР! – крикнула я, вставая на носочки. – ГОСПОДИН РЕ-Е-ЕКТОР!

Однажды я так в гости пришла. А мне не открывают. Кричу-кричу, кричу-кричу. Потом парнишка вышел. Открыл мне. А по улице мамка его бежит. Глаза квадратные. Парень с детства не ходил. А тут взял и пошел! Правда, теперь заикается. Но ходит!

Я набрала воздуха в грудь и соплей в нос. Так быстрее открывают обычно!

– РЕ-Е-ЕКТОР, ВЫХОДИ! – крикнула я, высматривая ректора.

Вместо него выбежала тетечка с круглыми глазами.

– А вы не знаете, ректор выйдет? – спросила я, прокашлявшись. Голос нужно беречь. А то неизвестно, когда ректор выйдет.

– А вы что? Его съели? – в ужасе спросила тетечка. Но тут послышались шаги. И я увидела молодого, статного красавца в черном. Он прямо шел и весь шелестел. На секунду он остановился, глядя на меня.

– Господин ректор, – отчиталась охрана. – К вам девушка пришла!

Так вот ты какой! Ректор! Красивый, молодой!

– Вот это вот издает вот этот вот звук? – осмотрелся рек-

тор. Он указал на меня. Охрана кивнула.

Ректор смотрел вокруг с подозрением. Словно где-то спряталось чудовище.

– Итак, что вы хотели? – спустился ректор, шелестя по ступеням черной накидкой.

– Вас! – ответила я, глядя в глаза ректору.

– Меня много кто хочет, но мало кто получит, – улыбнулся ректор, слегка польщено. И тут же посмотрел на мое платье и ботинки и презрительно усмехнулся. – Ты по какому делу?

– Хочу поступить в Академию! – ответила я, глядя на то, какой он весь из себя нарядный.

– Поступить, – улыбнулся ректор. И тут же вздохнул. – Увы, экзамены были вчера. А сегодня прием окончен! Мне очень жаль!

– Да, но... – начала я, глядя на ректора снизу вверх.

– Увы, таковы правила, – улыбнулся мне красавец-ректор. – Ты вообще откуда пожаловала?

Он еще раз осмотрел меня и вежливо улыбнулся.

– Из Гнильтауна, – ответила я, с надеждой глядя в красивые зеленющие глаза.

– А....а....а... – протянул ректор. – Это где? Просто я в провинции не бываю...

– Это ... там, – показал я рукой примерное направление.

– А где ж ты была раньше? – вздохнул ректор, посмотрев «примерно туда».

– Работала, – ответила я, опустив глаза на сбитые носки

ботинок. – Чтобы заработать деньги на билет и книги по магии!

– Понятно, – протянул ректор. – Мне очень жаль, но правила есть правила. Так что ждем тебя на следующий год! Всего хорошего!

Он развернулся, чтобы уйти. Но я схватила его за рукав.

– Но вы даже не спросили, что я умею! – умоляющим голосом произнесла я. – Я многое умею! И очень хочу учиться!

– Ну конечно же, – повернулся ко мне ректор, закатив глаза. Он положил мне руки на плечи. – Одного желания и красивых глаз недостаточно! Нужен талант! Причем, незаурядный! Не путай его, пожалуйста, с провинциальной наглостью. Наглость – хорошее качество для чародея. Но талант – превыше всего!

– Он у меня есть. Могу показать! – прошептала я, с надеждой глядя на ректора.

– Это лишнее, – меня вежливо вели в сторону выхода. – А сейчас покинь, пожалуйста, Академию. Приходи через годик.

– Да но... – дернулась я, почти возле самой двери. – Вы так и не посмотрели...

– Послушай, я по тебе прекрасно вижу. Магия – это не твое, – дверь передо мной открылась. – Жду тебя на следующий год. Если не передумаешь! Всего хорошего!

Меня вытолкнули за двери. Массивные двери с грохотом закрылись.

– Так, эту больше на порог не пускать, – послышался раздраженный голос. – Сразу на выход. Пусть катится обратно в свой Гниль... что-то там!

Я почувствовала в горле комок слез. Не приняли... Даже посмотреть не захотел!

Я брела по дороге, чувствуя, что мир рухнул. Мои глаза застилали слезы. Вот если бы знала, то постаралась бы приехать раньше! Может, сдала бы экзамены!

«Магия – это не твое!». А он откуда знает, что мое, а что не мое? Нет, ну откуда? Я смотрела на свои руки. И главное даже не захотел узнать, что я умею!

Меня окатило грязью от кареты, которая пронеслась мимо. Прямо накрыло сплошной грязной волной. .

Я сплюнула волосы и выставила вперед руку. Карета подпрыгнула, и у нее отвалилось заднее колесо. Карета села в глубокую лужу.

– Мамочки! – послышался истеричный женский голос. – Платье! Грязь! Спасайте меня и мое платье!

Дверца открылась. В нее высунулась перепуганная дама в светлом платье.

– Помогите! – кричала она, пока кучер плыл в сторону двери, высоко поднимая ноги: «Сейчас сниму, мадам!».

Я побрела дальше.

– Что значит, магия – не мое? – вздыхала я, роняя слезы и растирая грязь по лицу. Мое единственное платье стало коричневым. Ручьи грязи текли по рукам и капали с волос.

Я была насквозь промокшая в зловонной луже. Даже трусы были мокрыми.

Свернув за угол, я снова увидела того голосистого мальчонку.

– Свежие новости! Свежие новости! – кричал неутомимый охрипший мальчик и тыкал прохожим газету. – Жестокое убийство! Покойный господин так обрадовался, что у него появилась любовница, что рассказал жене! Свежие новости!

Я уныло посмотрела на предприимчивого паренька и пошла дальше. Все дома на улице были респектабельными. И заборы почти одинаковыми. Я шла и пыталась угадать наш забор.

Вдруг поднялся ветер. И словно парус надулись мои панталоны!

– Нашла, – вздохнула я, дергая ворота. Ворота, как ни странно были открыты.

Со скрипом и лязганьем я отворила их.

– Девушка, – бросился ко мне какой-то мужик в потертом сюртуке с пушистыми бакенбардами. – Не ходи туда... Если жизнь дорога, то не надо!

– Да вы что? Сговорились все? – вздохнула я, глядя на роскошный и мрачный особняк.

– Там живет страшное чудовище, – прошептал мужик, бешено вращая глазами.

– Вот если бы вы сказали, что там «выживает страшное

чудовище», то я бы еще подумала, – мрачно ответила я. – И ни за что бы ни пошла в это страшное место, где выживают чудовища!

Надо предупредить моего родственника, что у нас живет страшное чудовище! Мой родственник и так седой, словно забыл перед прочтением квитанции принять успокоительное. А тут еще какое-то чудовище! Нам еще чудовища не хватало!

– Девушка, – страдальчески мотал головой добрый человек. – Я вас прошу! В Тварьбурге много чего случается! И жуткого и страшного! Но сюда лучше не ходить! Никогда! Посмотрите! Дома по соседству опустели! Вон дом, вон дом! Все пустые стоят!

Я рада, что от чудовища есть какая-то польза!

– Так что не ходите... – мотал головой прохожий. – Пожалейте себя! Вы еще такая молодая! Понимаю, что у вас в жизни случилось что-то ужасное. Я вижу ваше заплаканное лицо. Но это не повод идти умирать, как другие разочарованные девушки в лапах мерзкого и ужасного чудовища! Одумайтесь! Все еще можно исправить!

– Конечно можно! Спасибо, что сказали! – заметила я, сплевывая грязь. – Мы очень благодарны, что вы предупредили! Мы сегодня же отловим эту тварь и заставим ее платить за дом третью часть! Исправим несправедливость! А то живет себе на халяву! Пусть тоже платит! Вот мой родственник обрадуется!

Добрый прохожий отшатнулся от меня и пошел по своим делам. А я с лязганьем закрыла ворота и направилась в сторону горгулий и дверей.

То, что сказал прохожий было чистейшей правдой. Дома соседей опустели очень быстро. А оставшиеся, стойкие соседи, частенько видели несчастных девушек, переступающих порог дома, чтобы никогда больше не выйти из него.

И сейчас чудовище стояло возле двери, задыхаясь от гнетущей жажды. В нем осталось мало человеческого. Разве что оболочка, которая и ввела в заблуждение юную провинциалку.

Опасны не те чудовища, которые рыскают в темноте и ужасают своим видом, давая шанс сбежать с диким криком.

Опасны те красивые чудовища, в которых никогда не заподозришь чудовище. Которые умеют вежливо улыбаться, читать газеты, колдовать и даже мрачно шутить.

Таких чудовищ нужно бояться в первую очередь. Потому, что как только ты поймешь, кто перед тобой, бывает уже поздно.

За дверью слышались шаги. В голове чудовища промелькнула мысль: «Она!». Это слово звонко капало внутри кровью: «Ужин! Ужин! Ужин!». И заставляло нервно сглаживать. Бледная рука, лежавшая на старинных обоях, дрогнула. А из нее поползли длинные черные кровожадные когти, готовые вцепиться в нежную девичью плоть.

«Она войдет, и я...», — задыхалось чудовище, облизывая пересохшие губы. «Пусть только войдет!», — билась в голове чудовища одна единственная мысль.

Конечно же чудовище не поверило в то, что это его дальняя родственница. За время отсутствия новоявленной «родственницы», оно мысленно перебрало свое генеалогическое древо, разделяя родню на вкусные и невкусные. А потом убедилось, что они точно не родственники. Так что угрызений совести и легкого несварения можно не ждать.

Дверь распахнулась. Чудовище было наготове. Оно представляло удивленные и напуганные глаза девушки, последний крик, переходящий в глухой стон и грохот падающего тела. А следом и таинственный шелест исчезающего во мраке тела по полу.

Чудовище бросилось к девушке, но на подлете резко остановилось. Что-то было не так.

Вместо красивой девушки на пороге стоял вонючий и грязный с ног до головы ужас. С «ужаса» текла грязная вода.

– Меня не взяли!!! – с рыданием бросился вонючий и грязный ужас на чудовище. Чудовище сделало робкий шаг назад.

Оно, конечно, было не самым брезгливым. Но ронять на пол еду не любило. А если и роняло, то тащило быстро-быстро. Чтобы микробы не успели. А тут...

– Сказали, что магия – это не мое! – надрывался грязный ужас, вытираясь о застывшее чудовище.

Чудовище ожидало любого поворота событий. Но не такого. Поэтому стояло, подняв в верх красивые бледные руки с кровожадными когтями.

На груди чудовища ерзал жуткий и ревущий комок грязи, обнимая кровожадную тварь за талию и вытираясь о шелковый халат.

Чудовище нервно сглотнуло, глядя на грязную лужу, на текшую под ними. Несколько раз чудовище пыталось сделать над собой усилие и растерзать комок грязи. Оно даже открывало рот, но тут же закрывало его. Глаза чудовища слезились от невыносимой вони городской лужи.

– А ректор сказа-а-ал... – был комок грязи, вытираясь об чудовище со страшной силой. – Что ик-ик-икзамены ... тютю... Опоздала я...

Чудовище медленно приходило в себя.

– Ванная там, – выдохнуло чудовище. Оно было аристократом. И считало ниже своего достоинства есть ... вот это! Тем более, что этот запах был способен отбить аппетит кому угодно. Нет, чтобы красивые, изысканные, пахнущие духами девушки с заплаканными глазами...

– На день опоздала... – был комок грязи, глотая слезы и сопли. Комок грязи и страданий намертво вцепился в чудовище. И топтался по ногам.

– Может, искупаешься? – чудовище сделало глубокий вдох. А зря. На его глазах проступили слезы.

– Ну хоть вы не плачьте! – захныкал комок грязи. И гряз-

ной рукой вытер с бледной щеки текущую слезу. — А то я тоже буду плакать!

Чудовище сделало над собой неимоверное усилие. И перестало плакать. Потому что грязная, но добрая рука снова хотела вытереть ему слезы.

— Вот добрый вы человек, — сокрушался комочек грязи. Чудовище мельком посмотрело в зеркало. И увидело, что обнимаются уже не чистенькое чудовище и комок грязи. А две родственные комка грязи.

— Успокойся, — выдавило из себя чудовище, опустив руки на плечи несчастному комку грязи — родоначальнику всех комков грязи в окрестностей.

Оно смотрело на свои руки на чужих плечах. И ужасалось.

— Успокойся, — с усилием выдохнуло чудовище. Обычно оно умело эффективно успокаивать жертв, сворачивая им шею. Но тут сначала надо было вычислить, где шея.

Комок грязи перестал рыдать. И стал горестно всхлипывать.

Чудовище размазывало грязь по предположительно чужой спине, слыша, как рыдания прекращаются. Такой сердечной доброты оно от себя не ожидало. Но это был, скорее инстинкт самосохранения, чем доброта!

— Х-х-хорошо, — слышался выдох на груди чудовища. — Вы такой добрый... Просто думала, что вы меня выгоните, узнав, что меня не взяли в Академию! Но вы мало того, что

не выгоняете, так еще и утешаете!

– Чав-чав, – утешало чудовище, глядя комок грязи.

Чудовище вздохнуло. Отбившийся аппетит не говорил точно, когда вернется. И чудовище решило пока не отпускать девушку. Мало ли? А вдруг все-таки вернется?

– Ладно, я пойду! – вздохнул комок грязи. И чем-то улыбнулся.

– Иди, – отвернулось чудовище. – Второй этаж. Третья дверь слева.

Чав-чав-чав, – слышались шаги по лестнице. Кап-кап-кап, – стекала грязь с мокрых косичек, похожих на сосульки. На втором этаже скрипнула дверь. И послышался крик ужаса.

Чудовище смотрело на себя в зеркало. Грязное пятно в форме девушки на его груди украшало дорогой халат. На лице у чудовища был след утешения, напоминающий боевую раскраску. И пахло от чудовища так, что сам бы он себя не съел. Даже в голодный год.

Чудовище начинало злиться. Оно брезгливо пыталось стереть магией грязь с лица и волос.

– Ааааааа!!!! – послышался жуткий крик на втором этаже. – Ааааааа!!!!

– Что там? – дернулось чудовище. И тут же рассыпалось тьмой возле зеркала, чтобы очутиться в роскошной ванной.

– Горячая вода!!! – послышался вопль. – Не может быть! Горячая вода!

Глава шестая. Чудовищная ночь

– Представляешь? Горячая вода! – глаза комка грязи были квадратными. Нос шмыгал от изумления. А рука с проблисками чистоты трогала поверхность воды.

Чудовище слегка озадачилось. Наверное, это было очень избалованное чудовище, которое привыкло к благам цивилизации. Оно никогда не охотилось в лесу и предпочитало чистых и невинных девушек. Ключевое слово «чистых».

– Вода-а-а-а! Горя-я-ячая! – икнул комок грязи. И посмотрел счастливыми глазами. – Как в сказке! Знаете сказку про красавицу и чудовище?

– Знаю, – вздохнуло чудовище, глядя на то, как шмякнулся на пол грязный ботинок. А следом второй. А потом двумя серыми тряпками полетели мокрые чулки.

– Это в которой отец уезжает в столицу и спрашивает у дочерей. Что им привезти? Одна говорит украшение. Вторая – платье. А третья, младшая просит три ведра горячей воды! – счастливо шмыгал грязью комок.

Нет, такой сказки чудовище точно не знало. Оно, как выяснилось, не знало и сказки про «одну знакомую», которая приехала в Тварьбург с помадой, трусами и штопором. Из всего багажа ей негодились только трусы.

Чудовище морально отходило от сразу двух сказок. И чувствовало, что ему понадобятся новые уши. Которые этих ска-

зок не слышали.

– Так! Отвернитесь, я платье снимаю! – послышался требовательный голос комка грязи.

Грязный ужас все еще всхлипывала, переживая свою трагедию.

Чудовище с усмешкой отвернулось.

– Вы подглядываете! – возмутился комок грязи, застыв над парящей водой. – Как вам не стыдно! Пялиться на мои...

– Ты, главное, не молчи. Я просто пытаюсь по местоположению рта вычислить, где у тебя зад, а где перед, – заметило чудовище, которое не любило оставаться в долгу.

Ему на руки упала грязная тряпка, которая зовется платьем. Такой наглости чудовище терпеть не собиралось. Чудовище с размаху швырнуло платье на пол и растворилось во мраке.

В роскошных покоех, оно снимало халат с красивых плеч.

Черный шелк струился по коже цвета белоснежного мрамора. Его тело напоминало тело статуи. Нездоровая бледность соблазнительно контрастировала с черным стекающим шелком. А чуть припухлые губы обнажили ряд острых зубов.

Чудовище языком коснулось острия и улыбнулось.

Горячая вода парила, а чудовище блаженно забралось в ванну и зажмурилось от удовольствия. На поверхности черной купальни плавали кончики седых волос.

– Сегодня ночью, – страстно пообещало себе чудовище, предвкушая вкусный, а главное чистый ужин.

По пальцам стекала вода. Чудовище с улыбкой представляло, как вместо воды струится еще теплая девичья кровь. Как тонкой змейкой огибает бледное запястье.

В блаженных грезах кровожадное чудовище распахнуло красивые глаза и сжало пальцы. Оно представляло еще теплое девичье сердце, в последний раз вздрогнувшее в его руке.

Аппетит вернулся. Триумфально и помпезно.

Пронзительный голос вырвал чудовище из сладострастных мечтаний.

Несуществующее сердце выпало в несуществующую кровь. Которая на поверку оказалась обычной теплой водой.

– А где полотенце? – спросил очень громкий голос. От которого задрожали стекла в старинных оконных рамах. С веток попадали воробьи. Соседская кошка передумала рожать в этой части города и поползла рожать в другую.

Чудовище слегка смутило, что ванны находились в разных концах огромного особняка. Но еще больше смутило то, что слышал он свой ужин так, словно она орет ему на ухо.

Оставшиеся на том конце улице нервно стойкие соседи тоже заинтересовались. Почему в таком огромном доме не нашлось полотенца?

– Терпи, – прошептало себе чудовище, предвкушая ночную расправу.

Отогнав кровожадные мысли, чудовище вспоминало, где у него полотенца. Оно встало, оделось и через минуту пове-

сило чистое полотенце на бортик чужой ванной.

– Спасибоныки! – радостно заметил голос в густом тумане пара.

Стоило чудовищу вернуться, скинуть с себя чистый халат, усесться в теплую воду, как вдруг стекла снова зазвенели...

– Ой, а мне надеть нечего! А платье я постирала! У вас нет ничего, что я могу надеть? Можно старенькое! Или ненужное!

Голос бессовестно вырвал чудовище из сладких кровожадных грез, заставив снова встать из ванной. Скрипя зубами и шлепая по спине мокрыми волосами, чудовище утешало себя ночным банкетом.

Прямо на прячущуюся за полотенцем девушку полетела мужская сорочка и штаны.

– Спасибоныки! – обрадовалось юное, ничего неподозревающее создание, быстро натягивая на мокрое тело выданную ей одежду.

– Не благодари, – ответило чудовище, скрывая многообещающую кровожадную улыбку.

Я сидела на кухне, доедая огромный кусок хлеба с колбасой.

– Мне тут мужичок один сказал, – заметила я, стараясь не думать про Академию. – Что у нас в доме чудовище живет!

– Неужели? – усмехнулся родственник, рассевшись в сво-

ем любимом кресле. Он лениво посмотрел в мою сторону. А я вежливо предложила ему половинку бутерброда.

– Ага! – вздохнула я, тренируя рот, чтобы откусить как можно больше за один раз. – Нужно срочно его поставить в известность, чтобы платило за дом! У нас тут что? Благотворительная организация? Ну смотрите! Чудовище обязано платить за свет.

– Это еще почему? – с интересом заметил родственник, глядя на меня странным взглядом.

– Потому что чудовище бояться. И постоянно включают свет. Без чудовища бы не включали? Не включали. С чудовищем включают? Включают! Даже по ночам! А магия нагорает? Нагорает! Так что все честно, – заметила я, отложив бутерброд. – Пусть платит!

Все, не могу! Больше не осилю.

– За воду тоже чудовище должно платить! – кивнула я.

– Я так понимаю, потому что люди не в силах сдержать свой восторг при виде чудовища и приходится стирать штаны? – улыбнулся, не разжимая губ мой родственник.

– И не только! А еще в доме, где живет чудовище, от страха потеют чаще! – сообщила я. – А еще оно могло бы скинуться на ремонт! Мы же тут все под одной крышей живем? Оно же не хочет быть бездомным чудовищем? Нет, не хочет! Так что пусть скидывается!

– Ты не устала? – внезапно спросил родственник, плавно положив руку на лакированный подлокотник кресла.

Я так тронута это заботой, что аж в носу защипало. Я была уверена, что меня выбросят на улицу и придется искать какую-нибудь вшивую ночлежку... А тут.... Я шмыгнула носом. Столько заботы и понимания...

– Немного, – смутилась я, шумно вздыхая.

– Я провожу тебя, – послышался голос. Мне на плечо легла рука. Она перебирала сорочку на моем плече.

Мы вышли в коридор. Дверь передо мной открылась. Ох, ничего себе!

Я застыла на пороге комнаты с открытым ртом. Огромная многоярусная люстра вспыхнула свечами. И осветила роскошную комнату.

Жажда крови нашептывала чудовищу: «Набросься на нее! Растерзай ее!».

Он внимательно смотрел на ее мокрые волосы и осторожно прикрывал за собой дверь. Чудовище уже прикинуло, что «ночной перекус» вполне можно заменить отличным ужином.

– Невероятно! – послышался радостный визг. На губах чудовища появилась едва заметная улыбка.

– А точно я тут одна буду жить? – послышался голос ужина. Ужин резво скакал по комнате. И иногда забывал закрывать рот от удивления.

– Разумеется, – негромко ответило чудовище, осторожно приближаясь к счастливой жертве. И забыло добавить, что

совсем недолго.

Чудовище уже собиралось перекусить медленно и развратно. Когти стали медленно вырастать из-под кружевного манжета. Острые зубы жаждали крови, а пересохшие губы предвкушали трапезу.

– Иди ко мне, – зловеще прошептало чудовище. Оно предвкушало визги, вопли и мольбы. Собственно, стандартную программу, как вдруг...

Как вдруг чудовище снесло к двери. Да так, что он едва не остался чудовищем – инвалидом, впечатавшись в дверную ручку спиной.

В коротких отношениях жертва и чудовище обычно инициатива «бросаться» принадлежит чудовищу. Именно оно караулит жертву, подгадывает удобный момент, а потом наслаждается произведенным эффектом.

Но тут что-то пошло не так.

Звонкий чмок в щеку застал чудовище врасплох. На груди у него что-то интенсивно и радостно терлось.

– Кхе, – выдало чудовище, пытаясь отодвинуть от себя любвеобильный ужин.

– Вы так добры ко мне, – рыдал ужин, вытирая сопливый нос о чистую батистовую сорочку. – Вот если приедете ко мне в Гнильтаун, я тоже буду доброй к вам!

Чудовище пыталось представить городок, в котором живут такие Пенни. По спине чудовища пробежали мурашки. А внутри что-то заорало: «На диету! Срочно! Тоже мне, ото-

жрал самооценку!».

– Брысь, – брезгливо отодвинуло чудовище сопливое лицо.

– Ой, да ладно! Я же милая! – слышалось снизу.

Чудовище опустило глаза, в которых были лед и стужа. И «я же милая» растянула губы в улыбке.

– Кто тебе это сказал? – спросило чудовище, которое начинало злиться.

– Зеркало! – ответила «я же милая!».

Одинокие чудовища не понимают всех прелестей семейной жизни. И что-то подсказывало, что неодинокое тоже. Ничего не понимают.

В его руке зрело заклинание, способное разрушить половину города, как вдруг в голове чудовища пронеслась мысль: «Вот ляжешь ты спать! А пока можно и поиграть в заботливого родственника».

Заклинание погасло.

– Хорошо, ты пока обосновывайся, – многообещающе улыбнулось чудовище, не разжимая губ и скрывая за спиной огромные когти.

Он вышел и закрыл дверь. Старинные створки сомкнулись, словно запечатывая тайну. Чудовище бросило взгляд на дверь и улыбнулось:

– Сегодня ночью.

У чудовища была одна слабость. Он был эстетом. Если раньше ему было все равно кого или что есть, то сейчас нет.

Это тоже самое, что красиво раскладывать по тарелке блюдо и желать самому себе приятного аппетита.

Чудовище не могло представить себя в темном закоулке между помойкой и другой помойкой, с надеждой высматривающего одиноких прохожих. Так же оно даже представить себе не могло, что значит гнаться за потной обкаканной со страха и вопящей жертвой, петляющей в темном переулке.

Эгоистичное и самовлюбленное чудовище уже лежало на кровати в собственных покоях. Он вспоминал, как в его дом приходили несчастные девушки в поисках второй даты на надгробном камне.

Вместо того, чтобы утонуть в какой-нибудь местном водоеме, девицы приходили топить себя в красивых глазах цвета рассвета.

С каким удивлением несчастные красавицы смотрели на галантного красавца, ожидая увидеть в сумраке старинного холла ужасного монстра!

Чудовище проявляло такую наигранную заботу, что девушки напрочь забывали, где находятся. И зачем пришли.

Окруженная вниманием жертва рассказывала свою историю, делилась своей бедой. И тут же находила понимание и сочувствие. Чудовище утешало ее, вытирало слезы, а потом нежно обнимало. Раз и навсегда.

Интересы чудовища не ограничивались несчастными красавицами. Больше всего на свете он любил книги. В его покоях располагилась роскошная библиотека.

В ней можно было найти все от старинных гримуаров, после которых моют руки даже самые черные маги до древних фолиантов, за которые продал бы душу любой коллекционер.

И когда бледная рука скользила вдоль книжных корешков, зачитанных до дыр, на красивых бледных губах появлялась улыбка. Длинный коготь хищно выбирал переплет, словно жертву. А потом похищал книгу с полки, чтобы впитаться в каждую строчку.

В этот момент чудовище могло сидеть в кресле с ногами, закусив палец и улыбаться. Иногда он смеялся, оскалив острые зубы.

Возможно, кому-то это покажется странным, но недавние исследования в области чудовищ показали. Кровожадные чудовища живут намного дольше, чем те, кто пытается объяснить им, как правильно должны вести себя кровожадные чудовища.

Рука чудовища уже выбрало себе жертву, чтобы скоротать остаток вечера, как вдруг...

– Скр-р-р-р-р! – послышался жуткий звук наверху. – Скр-р-р-р-р!

А следом топот ног. Замечтавшееся чудовище подняло глаза на потолок. И тут сплонуло хлопья штукатурки.

– Скр-р-р-р-р! – снова донесся премерзкий звук. Следом за ним донесся грохот. И шустрый «тык-дык -дык».

Подобный ночной звук, доносящийся от соседей, спосо-

бен превратить даже бабушку божий одуванчик в кровожадного маньяка с топором.

– Тр-р-р-р-р! – послышался долгий грохот. Он начался от двери и закончился в другом конце комнаты.

Либо фантазия чудовища разыгралась ни на шутку. Либо кто-то катался на шкафе. Или комод.

Запахнув на талии халат, чудовище встало с кресла, решительно направляясь в сторону грохота.

Он подошел к двери и открыл ее.

– Ой, как хорошо, что вы пришли! – послышался все еще всхлипывающий голосок. – А можно сделать маленькую перестановочку?

Маленький ужин тут же превратился милую девочку, улыбаясь сквозь слезы. Но чудовище не обманешь. Он только что видел, как хилые ручки и спинка толкали шкаф в другой конец комнаты. А пухлые губки выкрикивали такие слова, от которых дети сразу становятся взрослыми.

– Решила перестановочку маленькую сделать. Хочу добавить немного уюта, – всхлипнул ужин. И показал рукой в сторону комнаты.

От угла до шкафа тянулась очень уютная рытвина на паркете. Дорогой ковер уютно собрался гармошкой. Хрустальная люстра очень уютно отогнулась и уютно царапала шкаф. Занавеска был уютно содрана. А на ней уютно стояла массивная тумба с золотыми ручками. Роскошная кровать была криво сдвинута с места, уютно собирая под собой остатки

ковра.

– Просто я очень расстроилась, – прерывисто вздохнул ужин, одергивая чужую сорочку.

Глава седьмая. Бессовестница

– Просто я очень расстроилась, – прерывисто вздохнул ужин, одергивая чужую сорочку.

Повисли сразу двое. Странная тишина и чья-то жизнь на волоске.

– Ложись спать, – убедительно произнесло чудовище, скрипнув зубами. Эта мягкость в голосе давалась ему тяжело. На самом деле чудовище собиралось выгулять весь словарный запас без поводка и намордника. Но сдержалось, чтобы не спугнуть.

В каждом мужчине и чудовище живет охотник. Арендует часть души, так сказать. И не платит за аренду. «Терпение! Терпение!», – успокаивалось чудовище, пытаясь изобразить понимание.

– Мне просто так привычней, – всхлипнул «ужин с косичками», утирая пот со лба. – Кровать должна стоять вон там, а шкаф тут. Я тихонько... Честное слово! Как мышка!

Чудовище никогда не видело таких тихих мышей. И теперь подозревало, что не очень хочет с ними знакомиться.

– Ложись. Спать, – почти нежно прошептало чудовище. И тут же изобразило на лице заботу.

– Да как тут уснешь! Меня не взяли в Академию! – нижняя губа «ужина» задрожала. – Я вот пытаюсь себя отвлечь хоть как-нибудь!

– Ничего, все будет хорошо, – выдавило из себя чудовище. И его кольнуло предчувствие, что не у него.

– Мне не спится, – жалобно произнес «ужин».

– А я и не наливаю, – усмехнулось чудовище. – Поэтому марш спать!

Его взгляд опустился на ноги «ужина».

– И босыми ногами по полу не ходи! – сглотнуло чудовище. Ему не очень не хотелось таскать по очереди каждую ногу и мыть ее.

– Вы такой заботливый, – улыбнулся «ужин». – Вот я бы на месте бабы не посмотрела, что у вас хозяйство маленькое!

Чудовище смотрело на «ужин». На секунду его посетила странная мысль. А не сходить ли к какой-нибудь гадалке? И узнать, сколько он так протянет?

– Спать, – процедило чудовище. – Завтра разберешься со своей Академией.

– Хорошо, – шмыгнул носом «ужин». И тут же слезы просохли. – Ну конечно! Вы правы! Я... Я завтра же снова отправлюсь в Академию! И буду добиваться, чтобы меня взяли! Они же просто не видели, на что я способна, ведь так? Так! А как увидят, то сразу же возьмут! Я уверена!

– Ну конечно, – вздохнуло чудовище, вежливо улыбнувшись и закрывая дверь.

Улыбка сползла с его лица. Взгляд снова стал отстраненно равнодушным. Тихие шаги удалялись в сторону роскошной хозяйской спальни.

– Спи, – улыбнулось чудовище. – Спи... Сладких снов тебе...

Через час чудовище медленно встало с кресла. Почти беззвучный шелест его шагов нарушал тишину спящего дома.

Скрип роскошных дверей пытался предупредить всех, что приближается смертельная опасность. Но скрип был таким тихим, зловещим, что тут впору бежать подальше из этого дома, куда глаза глядят.

Чудовище медленно приближалось к кровати. «Может, просто свернуть ей шею?», – подумало чудовище.

Полная луна с любопытством заглянула в щель мрачных и тяжелых штор. В лунной дорожке серебрилась пыль. В кровати было пусто.

Только подушка, прикрытая одеялом, создавала иллюзию, что кто-то спит.

В этот момент чудовищу стало как-то неуютно. Он осмотрелся по сторонам. Окно было закрыто.

«Неужели раскусила?!», – пронеслась мысль в голове чудовища. Он увидел отблеск своих глаз в темноте зеркала.

Проверив комнату, чудовище направилось по коридору. Кошачья грация хищника заставляла его двигаться почти бесшумно. Коридор заканчивался. Чудовище начинало нервничать. Как вдруг...

В тишине спящего дома возле одной из дверей слышался жуткий чавкающий звук. Чудовище на секунду усомнилось, что оно одно охотится в этом доме.

– Ном-ном! – слышалось в щель.

Дверь вела в столовую. И судя по звуку, там пиновала ка-кая-то кровожадная, но совестливая тварь, доедающая чьи-то останки. Неведомая тварь тихо подвывала и поскуливала, видимо, мучимая совестью.

– Рррраф, – слышалось, когда чудовище открыло дверь. И включило свет. На всякий случай.

Первое, что оно увидело, так это пойманный с поличным и врасплох «ужин» со следами крови на физиономии. В руке «ужина» была окровавленная конечность.

Чудовище на всякий случай моргнуло.

И все тут же встало на свои места. На столе была огромная банка с вареньем, съеденная до половины. А в руках «ужина» длинный батон, намазанный вареньем.

– Ты что здесь делаешь? – прошептало чудовище, глядя на руки по локоть в «крови».

– Куфаю! Ик, – слышался сдавленный голос. – Мне офень фтыдно!

На него смотрел хомяк с огромными щеками. В глазах «хомяка» стояло раскаяние и угрызения совести.

– Я фшегда, когда раффтраиваюфь, куфаю... Офобенно по нофям, – вздохнул «ужин». И посмотрел на варенье. – Ик! Ой!

– Иди с-с-спать, – прошипело чудовище, видя, как липкие руки закрывают крышку варенья. А потом перепачканные

губы облизывают пальцы.

– Мне так стыдно, – шмыгнул носом «ужин», вытирая руки о платок. – Хотя, погодите! Вы тоже есть пришли? О! Так это же здорово! Будем хомячить вместе! Сразу видно, что родственники! Пусть и очень дальние! Это у нас семейное!

Если бы они действительно были родственниками, то чудовище с удовольствием отстирал бы ее с генеалогического гобелена. С пятновыводителем. Вручную.

– Ложись спать, – вымученная улыбка чудовища выглядела почти настоящей.

– Да иду я, иду, – вздохнул «ужин», растирая варенье по лицу. Дверь в столовую закрылась. И они двинулись по коридору. Рядом с чудовищем шел и икал «ужин». Икал и подскакивал. А потом зажимал рот рукой и извинялся.

– Спокойной ночи, – намекнуло чудовище, вежливо открывая дверь в гостевые покои.

– Я еще немного перестановку поделаю. И тут же лягу, – выдохнул «ужин». – Не переживайте! Я тихо-тихо!

И «ужин» посмотрела на огромный шкаф.

– Нет, – рывкнуло чудовище. И пальцем указало на кровать.

– Ладно, попробую уснуть! Ик! Извините! – ленивое тело упало на кровать.

«Гостья» увязла в мягкой подушке и утонула в перине. Одеяло съехало, обнажив вздымающуюся под белым покрывом сорочки грудь.

Чудовище успокоилось и прикрыло дверь.

Оно уже лежало в своих покоях на кровати, выжидая удобный момент. Сладкие грезы кровавым туманом застилали глаза. Он представлял, как нависает над спящей. Как его тонкий коготь скользит по теплой щеке.

«Пора!», – прошептало себе чудовище, сквозь дрему.

Как вдруг на него что-то упало: «Там! Там занавеска шевелилась! Это оно! Чудовище!».

– Кхе-е-е! – выдало чудовище, глядя на «ужин», который пришел сам. И теперь карабкается по чудовищу в сторону второй подушки. Карабкается и вибрирует...

– З-з-занавеска... Ше-ше-шевелилась, – на чудовище смотрели круглые глаза. Остальная часть лица спряталась под дрожащим одеялом. – И что-то с-с-скрипнуло! М-м-можно я у вас посплю? А? Ну пожалуйста! А то там страшно!

Чудовище еще не нашло, что ответить. Оно тщательно подбирало слова, чтобы охарактеризовать ситуацию. Но потом сообразило, что так даже лучше.

– Конечно, – вздохнуло чудовище. И улыбнулось.

– Только без этих... глупостей! – предупредил дрожащий «ужин», укладываясь на подушку. И забирая себе одеяло.

Чудовище накрыло ее одеялом и терпеливо выжидало, когда девушка уснет. Сам он лежал рядом и ждал.

Через секунду слышался скрип кровати. Потом тишина. Потом снова скрип и тяжелый вздох. И снова обнадеживающая тишина. Чудовище было уверено, что это был послед-

ний скрип... Но нет! Снова послышался скрип и ворочанье.

– Может, ты уснешь, наконец? – процедило чудовище.

– Да что-то не спится. Нервничаю я, – вздохнул «ужин». –
Завтра мне в Академию! И я вот нервничаю!

– Это Академия должна нервничать! – не выдержало чудовище, слыша новый переверот и скрип.

– Ну да, – вздохнул ужин. Из одеяла торчал курносый нос. И все. – Ой, ты... то есть вы... Вы и правда так думаете, что они должны нервничать, что не взяли такую талантливую студентку?

– Да, – процедило чудовище, ища в закромах еще немножечко терпения и спокойствия.

Воцарилась тишина. Слышалось сопение и тиканье часов.

Чудовище оживилось. Оно повернуло голову и склонилось над одеялом.

– А как вы думаете, что будет, если конец света придет к нам домой? Его ведь обещают уже сколько времени! Не слышали? – спросил задумчивый голос.

Чудовище дернулось обратно. И сделало глубокий успокоительный вздох.

– Он не придет. Он здесь начнется! – не выдержало чудовище. – СПИ!!!

– Просто мысли всякие в голову лезут, – вздохнул курносый нос. И тут же выдохнул. – Думала, что вам тоже не спится... Извините!

Послышалось сопение. Одеяло само сползло с носа, рас-

крывая хрупкие плечики и позу младенчика. В лунном свете это смотрелось ну очень аппетитно.

Коготь, как в грезах прикоснулся к щеке и скользнул по ней. Мммм....

Курносый нос поморщился и чихнул. Да так, что бессердечное чудовище почувствовало себя очень даже сердечным. И тут же узнало, где находится сердце, схватившись за него.

Этот чих можно было сравнить с падающей подушкой. С кровати. Которая падает при обрушении дома из-за землетрясения в девять баллов по шкале Писеца.

Курносый нос шмыгнул. Девушка легла на спину. И закинула руку за голову. Ресницы ее дернулись. А она снова поморщилась.

– Попалась, – прошептало чудовище, склоняясь над ней кровожадной пастью. Красивые губы обнажили ряд острых зубов, которые неумолимо приближались к шее.

И тут послышался такой звук, от которого соседи были точно уверены. В странном доме по улице Мрачная, точно обитает чудовище!

– Хррррр! – послышался раскатистый храп.

Чудовище спрятало зубы и смотрело на милое создание, раскидавшее по подушке свои растрепанные косы.

А звук был такой, словно где-то рядом прикорнул дракон с гайморитом.

– Хррррр! – слышался звук в ночной тишине. С таким звуком открываются врата преисподней. – Фью-ю-ю....

Хррррр... Фью-ю-ю...

Очаровательный ротик открывался, наполняя мир жуткими звуками. От которых в жилах стыла кровь и очень хочется исповедаться.

Аппетит чудовища сник. Желудок настаивал на морковке и листиках. Видимо, потому что они не храпят.

Раньше Пенни мечтала, как и все девушки, что однажды в ее деревню приедет какой-нибудь прекрасный принц и заберет ее.

Теперь на ее кровати сидит чудовище. И мечтает, чтобы мимо проезжал какой-нибудь прекрасный принц. И забрал Пенни. Чудовище даже готово сражаться. И сделать вид, что героически сдохло. С пафосом раскинув руки и

На секунду чудовище усомнилось в своей очаровательной чудовищности. Но только лишь на секунду. Осторожно повернув Пенни на бок, чудовище обнаружило, что храп прекратился.

На губах чудовище заиграла триумфальная улыбка. Он осторожно положил ее на спину, слыша громкий храп. А потом снова повернул на тихий бочок.

Облизав острые зубы, чудовище склонилось над беззащитной шеей.

Глава восьмая. Неродная Комиссия

Я проснулась от мысли, что проспала Академию! Мне снилось, что я пришла, а она закрыта. Резко встав, я почувствовала, как ударяюсь обо что-то лбом.

– Ой, простите! – опешила я, глядя на родственника, зажимающего лицо рукой. – Который час? Я не опоздала?

Дома я вставала с третьими оборотнями. Как только выть начинают, все! Пора вставать! «Развылись тут!», – всегда досадовала я, надевая галоши.

– Вряд ли, – прошипел родственник, зажимая лицо рукой. Мне стало неловко.

– Давайте я вам помогу, – занервничала я, понимая, что только что обидела хорошего человека.

– Не надо, – скрипнул зубами мой родственник. – Я сам как-нибудь умру. Без посторонней помощи!

– Не вздумайте! – возразила я, видя, как он приходит в себя и проверяет целостность носа. – У меня и так никого, кроме вас не осталось! А еще вы умирать удумали! Посмотрите на себя! Вы же еще молодой. У вас вся жизнь впереди! Так что рано вам помирать!

Родственник молчал, потирая пальцами губу.

– Даже не думайте! – вздохнула я, сползая с кровати и

сладко потягиваясь. — Кстати, Академия до скольких работает? Ой, я уже спрашивала! А со скольких?

Мои мысли были заняты тем, чтобы прийти пораньше. Пока никого не было! А потом поймать ректора и заставить его передумать!

Наскоро одевшись и заплетя косы, я задрала юбку, отогнула чулок и засунула парочку самодельных зелий. Нет, ну мало ли? Вдруг получится?

В раскрытом чемодане лежали потрепанные книги по магии. На спинке кровати висела кофта.

— Ну, я готова! — произнесла я, вертясь перед зеркалом.

А потом сбежала по лестнице. Родственника не было. И я открыла двери, бросившись на улицу.

Я бежала по улице, боясь опоздать. Прохожие шарахались от меня в разные стороны. Кареты со стуком пролетали мимо.

— Свежие новости! Свежие новости! В зоопарке Тварьбурга родилась ... идея! Свежие новости! Свежие новости! — кричал мальчишка в цилиндре, удерживая его на голове рукой. — Одна юная мадемуазель бежала за каретой и услышала, как что-то упало! Зонт на месте, кошелек на месте! А это потерялась девственность! Свежие новости!

Я пронеслась на всех парах мимо паренька, отбившись от газеты. В боку кололо, а я сбавила скорость.

Дверь Академии открылась, и я вошла в нее. Одернув платье, я двинулась в сторону «Приемной комиссии».

– Здравствуйте! – я радостно открыла дверь.

– Не здрасте, а уважаемая Комиссия, – поздоровалась со мной одинокая тетка. – Присаживайтесь! Вы по какому вопросу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.